

АЛЬФРЕД ГРИБЕР

ЖИТОМИРСКОЕ ДЕТСТВО

Повесть

1. ДИТЯ ПОБЕДЫ

Факт моего рождения не вызывает ни тени сомнения. И за это я благодарен своим родителям - Грибер Эстер Гершовне (Эсфирь Григорьевне) и Нагибину Михаилу Леонтьевичу, которые, не покладая сил, в поте лица трудились над своим творением в победном мае 1945 года.

Я в полной мере считаю себя Дитём Победы. Если отсчитать от даты моего рождения назад 9 месяцев (270 дней), то получится, что именно в мае 1945 года сразу после Победы над фашизмом во Второй мировой войне всё человечество занялось демографической проблемой. Женщины и мужчины, которые истосковались за время войны по любви и ласке, кинулись друг другу в объятия, чтобы наверстать упущенное. Я уверен, что первый послевоенный 1946 год, особенно его первая половина, был ознаменован рекордными цифрами рождаемости на всём земном шаре.

Вот и труд моих родителей не был напрасным.

В конце января первого послевоенного 1946 года Фира Грибер (моя будущая мама), находясь на девятом месяце беременности, уехала к своей родной тёте Кате (Гитл) Абрамович, которая жила в то время вместе со своей семьёй в городе Пятихатки Днепропетровской области.

Семья Кати Абрамович снимала тогда половину маленького одноэтажного домика с земляными полами, во второй половине которого жили хозяева - муж с женой. В этом доме мне и суждено было родиться.

Почему мама не рожала меня в родильном доме? Эти подробности мне не известны. Как видно, что-то помешало ей добраться туда вовремя.

10 февраля вечером у Фиры начались схватки, и её перевели в хозяйскую половину дома, так как в другой его половине в комнате находились дети Кати - десятилетняя Эмма и восьмилетняя Белла.

Подробности о том, как проходили роды, мне не сообщили. Но что мне достоверно известно, так это то, что 11 февраля 1946 года в 6 часов 20 минут утра я появился на свет.

Запомним этот счастливый миг!

Уже живя в Казахстане в квартирах со всеми удобствами, мы с мамой многие годы соблюдали следующую традицию. Каждый год в этот день и в этот час мама готовила ванну, будила меня, и мой день рождения начинался с традиционного купания.

Помните песню «Остров невезения», которую гениально спел и станцевал в кинофильме «Бриллиантовая рука» знаменитый актёр Андрей Миронов? Там есть такие слова о бедных дикарях: «Чтоб они не делали, не идут дела. Видно, в понедельник их мама родила».

Так вот, именно в понедельник меня мама родила. Но это единственное, что меня связывает с дикарями из песни. На свою жизнь мне не приходится обижаться.

Откуда у меня такое не совсем обычное для русского слуха, да и для еврейского тоже, имя Альфред? Альфред - древнеанглийское имя, которое означает «совет, решение, ум, мудрость, свободный»; буквально «хороший советник».

Я не знаю, чем был обусловлен моей мамой выбор этого имени для меня. Знаю только, что в роду моей бабушки Кати уже были до меня два Альфреда: сын её сестры Кати-Гитл (1926 года рождения) и сын её брата Шуры (1933 года рождения). В детстве этих Альфредов звали Люсиками.

Конечно, также и моим детским именем было имя Люсик. Некоторые ещё до сих пор продолжают называть меня этим именем. Да, имя Люсик было фактически моим единственным именем на протяжении детства. Только в школе учителя начали называть меня именем Алик, поскольку оно было по звучанию ближе к имени Альфред. А пока я был Люсиком.

Вскоре после моего рождения мама Фира привезла меня в Житомир в дом, где она жила вместе со своими родителями - Екатериной Исааковной и Григорием Семёновичем. С этих пор моей семьёй были мама Фира, бабушка Катя и дедушка Гриша.

Сведений о своём отце я практически не имею никаких. В моём первом свидетельстве о рождении я был записан как Альфред Михайлович Нагибин.

Мама рассказывала, что врачи и медсёстры сбивались с ног, разыскивая на нашей улице и в нашем дворе семью Нагибиных. Им и невдомёк было, что эту фамилию носит только малыш Люсик из семьи Грибер.

Спустя какое-то время моей маме удалось найти какую-то знакомую в Житомирском ЗАГСе, которая смогла за определённое вознаграждение, выписать мне повторное свидетельство о рождении вместо якобы утерянного первого свидетельства. В новом документе уже значились другие данные: фамилия моего отца и моя фамилия были уже Грибер. С тех пор я - Альфред Михайлович Грибер.

О моём отце в нашей семье никогда не говорили, и эта тема никогда не обсуждалась. Маме каким-то образом стало известно, что мой отец Михаил Леонтьевич Нагибин умер в Днепропетровске где-то примерно в 1955 году.

Вот такова история моего рождения.

2. РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Несмотря на то, что по воле случая я родился в городе Пятихатки Днепропетровской области, своей родиной я считаю город Житомир, в котором я прожил в общей сложности 32 с половиной года.

Одноэтажный дом, в котором жила наша семья, находился на улице Карла Либкнехта № 44 в квартале между улицами Леси Украинки и Сенная. В этом доме было пять квартир. Мы жили в квартире № 3. В этой квартире я прожил, в общей сложности, тринадцать лет: первые десять лет моей жизни до отъезда в

Казахстан, а затем ещё три года после возвращения из армии.

Наша квартира состояла из двух комнат, небольшого коридорчика, который служил нам также кухней, и веранды, которая в летнее время несколько расширяла наше жизненное пространство. Большая комната была размером около 15 квадратных метров. Посреди неё стоял большой стол с четырьмя стульями. За этим столом собиралась вся наша семья. А по периметру комнаты располагались, кроме двух дверей и двух окон, двуспальная кровать бабушки и дедушки, небольшая кушетка между окнами, шкаф и печка, которая обогревала зимой сразу две комнаты. Маленькая комната была размером около 9 квадратных метров. Там стояла мамина кровать, небольшой стол и шкафчик. Потом там появилась моя кроватка. А когда я вырос, эту кроватку заменила раскладушка, которую устанавливали на ночь рядом с маминой кроватью.

Как можно догадаться, ни ванной, ни душа, ни туалета по причине отсутствия водопровода в квартире не было. Сейчас нам, живущим в современных домах со всеми удобствами, даже трудно себе представить, как можно было жить в таких условиях. А мы обходились без всего этого. Все вокруг так жили. Рукомойник - в коридоре на стенке, а под ним - таз или ведро. Вода - на улице в колонке, до которой, как минимум, метров пятьдесят. Ведро со стульчаком для естественных надобностей ночью, а иногда и днём - в коридоре. Мытьё и купание - в тазиках и бадьях. И только раз в неделю ездили в баню. Вот так и жили.

И что самое странное - были счастливы. Лишь бы не было больше войны. Несмотря на то, что совсем недавно отпраздновали победу над Германией, многие

люди опасались, что может опять вспыхнуть война. Вторая мировая война окончилась, и оказалось, что СССР и США могут дружить только «против» кого-то, но не между собой. Началась «холодная война». Обстановка была в то время такой напряжённой, что, казалось, ещё немного и начнётся «горячая» война между СССР и США.

Однако мой дедушка Гриша тогда сказал:

- Нет, сейчас войны не будет.

А потом, показывая на меня, добавил:

- Вот эти дети растут для войны.

Помолчав немного, он озабоченно покачал головой:

- Мой сын Изя уже семь лет служит в армии и должен вот-вот вернуться домой. Я опасаюсь, как бы не задержали его демобилизацию в связи с таким международным положением.

Слава Богу, опасение дедушки не подтвердилось. Дядя Изя в марте 1947 года вернулся домой. Вскоре он устроился на работу в мастерскую по ремонту радиоаппаратуры и технических средств связи при областной Дирекции радиотрансляционных сетей.

Моя мама устроилась на работу после долгого перерыва, связанного с моим рождением, только в октябре 1947 года. Начала она свою послевоенную трудовую деятельность в качестве счетовода-кассира Житомирского Гортопа. Такие деловые качества моей мамы, как организованность, обязательность, дисциплинированность и желание помочь людям были оценены, и в марте 1948 года её назначили по

совместительству ответственной по учёту кадров. А уже в феврале 1949 года маму переводят на должность бухгалтера по расчётам. И с этого момента начинается её бухгалтерская карьера.

3. МОЁ ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Это кажется невероятным, но я помню событие, которое произошло, когда я находился в возрасте чуть больше года. Почему именно этот случай запечатлелся в моей памяти, я могу объяснить только тем, что он был для меня весьма необычным и важным. Посудите сами - в моей семье появился новый для меня человек. Вернулся домой после семи лет службы в армии сын бабушки и дедушки, мамин родной брат и мой родной дядя Изя. Правда, тогда, находясь в ещё нежном возрасте, я всех этих родственных связей ещё не понимал.

Как же мне удалось всё это запомнить, находясь в таком нежном возрасте? Хочу заметить, что свойство моей памяти заключается в том, что всё, о чём я вспоминаю, возникает передо мной, как на экране монитора или телевизора. Причём изображение двигается, как в фильме. Мне только остаётся рассказывать, что или кого я вижу.

Я могу предположить, что где-то в каких-то ячейках моей памяти записывается постоянно видеоинформация, которая хранится там до момента воспоминания. Хотя нельзя исключать и такое предположение, что мой мозг каким-то невероятным образом подключается к Информационному полю Земли и считывает оттуда необходимую информацию о прошлом.

Итак, вот моё первое видео-воспоминание, которое относится к весне 1947 года.

Обычный день. Я сижу на кушетке в большой комнате и вожусь со своими незамысловатыми игрушками. Мама и бабушка сидят около большого стола, который стоит в центре комнаты, и что-то там делают. Мне не очень интересно, чем они занимаются, потому что у меня есть свои более важные дела.

Вдруг в коридоре слышится какой-то шум, открывается дверь, и в комнату входит дяденька в военной форме. (То, что это военная форма, я узнал уже позднее.) В руках у него - небольшой чемодан. Бабушка и мама вскакивают со своих мест и бегут к этому дяденьке. Они обнимают его и целуют. Я понимаю, что они очень рады. Но почему тогда на их лицах слёзы? Странные эти взрослые, они смеются и плачут одновременно. Я так не могу. Я или смеюсь, или плачу.

Тут дяденька видит меня, о чём-то спрашивает бабушку и маму, а затем подходит ко мне. Он улыбается мне и что-то говорит очень ласково. Потом он берёт меня на руки, поднимает над собой, затем приближает меня к своему лицу и целует в щёчку. И я чувствую, как что-то колет меня в лицо. (Теперь я понимаю, что это была небритая щетина на лице моего дяди.) После этого он опять что-то говорит мне и сажает обратно на диван-кушетку.

Всё происходит так быстро, что я не успеваю как-то отреагировать. Я не плачу, потому что мама и бабушка улыбаются. И я тоже улыбаюсь, потому что всегда охотно улыбался незнакомым людям. Состояние у меня какое-то необычное.

На этом моё видео-воспоминание заканчивается.

4. МАЛЫШ ЛЮСИК

«Этот ребёнок родился сразу в хорошем настроении», - так говорили обо мне все те, кто знакомились со мной ещё в раннем возрасте. И это не удивительно, потому что малыш Люсик всегда улыбался и был радостным.

Особенно мне нравилось сидеть на руках у мамы. С этой позиции мне было видно всё, что происходило вокруг. Когда мне исполнилось ровно полгода, меня впервые сфотографировали на руках у мамы. Ей тогда нравилось наряжать меня в платья. Видно, подсознательно она мечтала о дочке. Мама поначалу и называла меня, как девочку: Алусенька, Люсенька.

Но рос сынок Люсик, который любил целоваться. Своими поцелуями я выражал любовь и нежность к своим близким: маме, бабушке, дедушке и дяде Изе. Что-что, а свои чувства я умел выражать ещё до того, как начал говорить. Я был очень нежным малышом и любил, когда меня обнимали.

Мне нравилось общаться с другими людьми, причём не только со своими родными. Я абсолютно не боялся людей и даже любил ходить за ручку с людьми, которых совсем не знал. Я любил, когда меня держали на плечах, чтобы мне было видно всё вокруг.

Энергии у меня было, хоть отбавляй. И чем больше было людей вокруг меня, тем более энергичным я становился. Я немедленно замечал что-то новое и необычное и всегда был готов первым начать играть в

новые игры или исследовать новые игрушки. Мне обязательно надо было всё увидеть, прикоснуться ко всему и самостоятельно всё исследовать. Я был общественным ребёнком.

Летом 1947 года меня определили в детские ясли № 1, которые находились на улице Войкова, примерно в трёх кварталах от нашего дома. Дядя Изя каждое утро сажал меня к себе на плечи и относил в ясли. Там он опускал меня на землю и отдавал нянечке или воспитательнице. А сам отправлялся на работу. Зимой этот путь я проделывал на саночках. Мама тоже отводила меня в ясли, когда была свободна от домашних дел. А вот из яслей меня всегда забирала она.

Как-то в начале июля 1948 года, когда мама пришла вечером в ясли, чтобы забрать меня домой, ей дали фотокарточку, на которой были изображены дети, сидящие на горшочках, в том числе и я.

Я очень хорошо помню тот день, когда нас фотографировали. 3 июля 1948 года начинался в яслях как обычно. После завтрака меня и ещё нескольких ребятшек усадили на горшочки около сарайчика. Это тогда называлось «высаживанием». Всё было, как всегда. Сидим мы такой небольшой компанией и обмениваемся мнениями о нашей жизни.

Но тут к нам подходят наша воспитательница и какой-то дяденька, который держит в руках какую-то чёрную штуку с круглым окошком в середине.

- Дети, сейчас мы с вами будем фотографироваться, - обратилась к нам воспитательница. - Вот, видите, у этого дяди в руках фотоаппарат.

Некоторые ребята из нашей компании на всякий случай решили заплакать. Кто его знает, что это за штука такая - фотоаппарат. А вдруг это больно.

Но воспитательница быстро успокоила их, сказав:

- Не бойтесь, это не страшно и совсем не опасно.

- Смотрите в это окошко и улыбайтесь! - обратился к нам дяденька. - А за это, в ответ на ваши улыбки, из этого окошка вылетит птичка.

Мы заулыбались и стали смотреть в окошко. Ждали мы, ждали, но птичка так и не вылетела. Все, конечно, расстроились, а некоторые ребята даже заплакали. Но я не плакал. Мне просто было обидно, потому что нас обманули. А обманывать - это нехорошо! Так меня учили взрослые.

Мне в то время уже «стукнуло» два года и пять месяцев. Эта фотография до сих пор хранится у меня. А на её обратной стороне маминой рукой написано: «Высаживание, 3 июля 1948 года».

5. ЗАНОВО РОЖДЁННЫЙ

1948 год явился для меня и всей нашей семьи своеобразным мостом, соединяющим прошлое и будущее. И если бы не самоотверженные усилия моей мамы (разумеется, при поддержке родных), это будущее для меня могло бы вообще не наступить.

Как говорится, главное в жизни - это здоровье. К сожалению, альтернативой здоровью является болезнь. И если опасная болезнь угрожает жизни в

самом её начале, то это тяжелейшее испытание для тех, кто создал эту жизнь.

Осенью 1948 года я заболел скарлатиной, которая осложнилась гнойным воспалением мозга.

Врачи говорили маме:

- Вы ещё совсем молодая женщина, Вам всего 25 лет. У Вас ещё будут другие дети. А этот Ваш ребёнок, к сожалению, уже обречён. Он уже не жилец на этом свете.

Они не верили в моё выздоровление. Однако мама не сдавалась и продолжала бороться за мою жизнь. Эта борьба, конечно, стоила ей немало здоровья и денег, так как нужны были дорогие лекарства, средства по уходу за больным ребёнком и лечебное питание. И всё это необходимо было достать в первые послевоенные годы.

Мама продала всё, что только можно было продать. Дедушка, который в то время работал на продовольственных складах, приносил ей белые мешки из-под сахара, и мама шила себе из них платья. Всё было брошено на борьбу за мою жизнь. Мама прошла все возможные и невозможные лишения. Она усиленно искала врачей, которые смогли бы вылечить меня.

И её поиски, в конце концов, увенчались успехом. Каким-то чудом маме удалось найти в Киеве профессора, который согласился сделать мне операцию. Правда, он предупредил маму, что, если даже операция пройдёт успешно, я могу остаться слепым, глухим, немым, дефективным ребёнком и так

далее, и тому подобное. Мама была согласна на всё, лишь бы я жил.

Была сделана уникальная по тем временам операция. Мне не известно точно, в чём она заключалась. Я только знаю, что мне пробивали барабанные перепонки и череп в районе темечка, а затем выкачивали гной из головы. К счастью, операция была сделана гениально и прошла очень успешно.

После операции я быстро пошёл на поправку и спустя непродолжительное время совершенно выздоровел, оставаясь абсолютно нормальным ребёнком. Косоглазие и потерю обоняния можно в расчёт не принимать. Что касается моих умственных способностей, то после операции они настолько развились, что все считали меня вундеркиндом.

Глядя на мои фотографии, сделанные уже после операции в трёхлетнем возрасте, трудно поверить, что такой пышущий здоровьем крепыш был одной ногой на том свете. Профессор, который спас меня от смерти, сам не мог поверить в то, что он фактически совершил чудо. Он попросил на память мою фотографию и сказал, что будет хранить её как талисман и как свидетельство своей самой большой удачи.

Так моя мама подарила мне жизнь во второй раз!

6. КНИГИ - МОИ ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ

Мне, как и всем маленьким детям, мама, бабушка и дедушка рассказывали различные стихотворения и сказки. А потом в доме появились первые детские

книжки с картинками. Поэтому слово «книжка» я знал с самого младенчества.

Конечно же, как и все дети моего возраста, я запоминал наиболее понравившиеся мне стихи и сказки наизусть. Кстати, потом, когда я научился читать, я перечитал все те книжки, которые мне читали мои родные.

А начал читать самостоятельно я очень рано. И в этом был «виноват», большей частью, мой дедушка. Будучи ещё совершеннейшим малышом, я заметил, что он читает не только детские книжки, но ещё и какие-то большие листы, которые все называли «газетой». Так что это слово, наряду со словом «книжка», также очень рано запечатлелось в моей детской памяти.

Мой дедушка Гриша каждый день читал газету, которую все в доме называли одним словом – «Правда». Это слово и было моим первым прочитанным словом. Ещё до своей болезни и операции, примерно в два года или даже раньше, я подходил к дедушке, когда он читал газету, и, показывая пальчиком на её название, спрашивал, как произносится та или иная буква. Дедушка мне терпеливо всё объяснял и демонстрировал. Это походило на какую-то интересную игру в вопросы и ответы.

А так как я был очень любознательным ребёнком, то новая игра захватила меня, потому что каждый раз я узнавал для себя что-либо новое. Постепенно я усвоил соответствие между написанием и произношением каждой буквы, а также произношение сочетаний букв. Так родилось моё чтение.

Мне было очень интересно играть в такую игру. Мне так нравилось это делать! Я получал огромное удовольствие от этого процесса. В два года была только начальная стадия обучения чтению. Моя болезнь и последующая операция прервали на некоторое время этот акт познания.

Однако почти сразу после выздоровления, примерно в три года, мой мозг, как будто очнувшись от спячки, начал стремительно впитывать информацию окружающего мира. Всё, что я видел, слышал и ощущал, мгновенно фиксировалось и запоминалось. Очень быстро я научился складывать буквы в слова и незаметно овладел техникой и искусством чтения. Я читал всё подряд: вывески на магазинах, объявления, газеты, журналы, детские и не детские книги. Обширная информация вливалась в меня непрерывным потоком. Мне нравился также и сам процесс чтения, который одновременно и успокаивал меня, и стимулировал мою фантазию.

Как только я научился читать самостоятельно, я начал с удивительной скоростью поглощать книги одну за другой. Я просто «проглатывал» их, тем не менее, успеваю понять смысл и улавливая все тонкости прочитанного. Главным поставщиком книг в нашей семье была городская библиотека, где у мамы был абонемент. Постепенно с детских книг я переключился на взрослые. Моей первой взрослой книгой был роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Нам с мамой эта книга очень нравилась.

Моя память была устроена таким образом, что мне было достаточно прочитать два-три раза какое-либо произведение, чтобы запомнить его. Благодаря этому, я знал наизусть много литературных произведений. Особенно мне нравились сказки Александра

Сергеевича Пушкина. Через несколько прочтений я уже знал эти сказки наизусть. Сначала я декламировал их дома, потом в детском садике. Спустя какое-то время меня возили почти по всем детским садам города, где я читал и даже изображал в лицах «Сказку о рыбаке и рыбке».

Попадая в чей-то чужой дом, я первым делом искал глазами книги. И когда находил их, то мог длительное время, пока взрослые о чём-то беседовали, копаться в них. Уходя домой, я с большим сожалением расставался с книгами.

Моя искренняя любовь к книгам никогда не угасала на протяжении всей моей жизни. Мне до сих пор нравится копаться в книгах, выискивать в них что-то новое и интересное для себя, получать знания, а также ответы на жизненные вопросы и проблемы.

Книги у меня всегда были, есть и будут на самых почётных местах.

7. НОВЫЕ РОДСТВЕННИКИ

Я уже рассказывал, что мой дядя Изя в марте 1947 года вернулся домой из армии, где прослужил семь лет. Вскоре после своего возвращения он устроился на работу в мастерскую по ремонту радиоаппаратуры и технических средств связи при областной Дирекции радиотрансляционных сетей (ОДРТС). А сама ОДРТС подчинялась областному Управлению связи.

Зачем я всё это так подробно вам рассказываю? Сейчас поймёте.

Всё дело в том, что летом 1947 года работников областного Управления связи, куда входила также и ОДРТС, где работал дядя Изя, послали убирать картошку в один из колхозов Житомирской области. В состав этой картофелеуборочной делегации включили и дядю Изю. И надо ж было такому случиться, что сюда попала и девушка Роза Рыль из Управления связи.

Как видно, совместный труд и романтическая обстановка колхозной жизни сделали своё дело. Изя Грибер и Роза Рыль познакомились. Вернувшись из колхоза, молодые люди начали встречаться, чтобы лучше узнать друг друга.

В нашей семье ходил анекдот о том, как Изя хотел узнать, насколько аккуратна и чистоплотна Роза. А как это узнать, он поначалу не мог сообразить. Внешне, вроде, у неё всё нормально. Тогда он пошёл на хитрость.

Как-то Изю пригласили к себе в гости на обед родители Розы. Все сели за накрытый стол. И тут Изя, как бы случайно, уронил на пол вилку. Наклонившись, чтобы её поднять, он украдкой заглянул Розе под платье. Увидев там чистое бельё, он понял, что эта девушка не относится к разряду нерях и грязнуль. Удовлетворённый своей проверкой, Изя решил, что Роза вполне может стать его избранницей.

Где в этом рассказе была шутка, а где - правда, не суть важно. Главное, что этот союз существовал шесть десятилетий в любви и согласии.

Свадьба Изи и Розы состоялась в августе 1948 года в доме родителей Розы на улице Руденская (позже Короленко). Все радовались, веселились и

целовались. Я тоже радовался и веселился. А уж целовали меня все и очень много раз. Мне очень нравилось на этой свадьбе.

А потом дедушка, бабушка, мама и я ушли домой, а дядя Изя остался там, где была свадьба. Мне сказали, что теперь он будет жить с моей новой тётёй Розой в этом доме на Рудне (так называли данный район).

- Если дядя Изя не будет жить с нами, кто же теперь будет отводить меня в ясли? – заволновался я.

Но мама успокоила меня, сказав, что она будет и отводить меня в детский сад, и забирать оттуда. Доводы мамы меня успокоили.

А 17 июля 1949 года у дяди Изи и тётёи Розы родился первенец - сын Владимир, Вова, Вовочка. После рождения Вовы дедушка, бабушка, мама и я очень часто ходили в гости на Рудню. Каждый из нас видел в новом малыше своего родного человечка. Благодаря ему, дедушка и бабушка ещё раз подтвердили свои семейные звания, моя мама впервые стала тётёй своему родному племяннику.

А у меня, наконец-то, появился младший братик, пусть и двоюродный, но всё равно мой. Я был старше его на три с половиной года. Теперь мне было кому передавать свой жизненный опыт.

Я очень полюбил своего нового родственника и так привязался к нему, что мне хотелось почаще его навещать. Однажды я как видно находился в состоянии эмоционального перевозбуждения и во время игры с малышом Вовой очень сильно прикусил зубами его пальчик. От боли он сильно заплакал, а я испугался и быстро разжал зубы. Когда Вова

успокоился, я начал целовать ему пальчики, чтобы он не обижался на меня. Ведь я это сделал, потому что не мог сдержать свои нежные чувства к нему.

У Вовы были ещё двоюродные братья со стороны тёти Розы, его мамы. А у меня был пока только один двоюродный брат.

И только спустя шесть с половиной лет, 24 февраля 1956 года на свет появился второй сын тёти Розы и дяди Иззи - Миша. Мне к этому времени уже исполнилось 10 лет.

Так как у меня не было родных братьев и сестёр, мне их заменили мои двоюродные братья - Владимир и Михаил, с которыми мы дружим всю нашу жизнь.

8. ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Долго ли, коротко ли длился ясельный период моего детства, но в конце августа 1950 года, когда мне исполнилось 4 с половиной года, меня перевели в детский сад № 9, который находился на улице Войкова рядом с детскими яслями № 1, в которых я имел честь находиться до этого.

Я обладал большой фантазией и изобретательностью, был очень любознателен и обожал исследовать и изучать окружающий мир. Всё новое меня удивляло и восхищало. Мне нравилось всё необычное. Я предпочитал учиться чему-либо на своём личном опыте.

Однажды моё любопытство чуть не закончилось бедой.

Как-то на прогулке в детском саду я нашёл небольшой кусочек целлулоидной куклы. Не знаю, чем он мне приглянулся, но я решил его исследовать в присутствии своих товарищей по группе. И вот лёжа в кровати во время «тихого часа», я приступил к испытаниям этого кусочка на сопротивляемость материалов. Покусывание целлулоида ни к чему не привели. Поэтому я решил сделать ему химический анализ, для чего поместил его в рот. Слюна, выделяемая в большом количестве моим организмом во время опыта, мешала мне, и я её непроизвольно проглотил. Естественно, что кусочек целлулоида последовал вслед за слюной. Я начал сильно кашлять.

Ребята позвали воспитательницу. Та прибежала и, узнав в чём дело, быстро принесла мне тёплой воды. Я выпил целый стакан. Вскоре в детсад приехала моя мама и повезла меня в больницу на рентген. Там сказали, что опасности для жизни нет, и посоветовали давать мне в течение дня манную кашу. Утром вещественное доказательство моих опытов успешно было найдено в отходах организма.

Но главным занятием для меня в то время была игра. Я постоянно хотел и всегда был готов во что-то поиграть. И совершенно неважно во что. Главное, чтобы у меня была возможность побегать. Я ни минуты не мог усидеть на месте. И если игра вдруг прерывалась, то это огорчало меня больше всего. Сам процесс игры настолько захватывал меня, что подчас я не замечал никакой опасности. А всякие необдуманные, а порой и рискованные поступки своего неосторожного и бесстрашного отпрыска заставляли волноваться маму, бабушку и дедушку.

Про таких детей говорили, что они являются своего рода «вечным двигателем», потому что у них моторчик

в одном месте всё время работает. Однако какое-либо бездумное «вечное» движение было не по мне. В любой игре я познавал жизнь такой, какая она есть. Я доверял тому, что сам непосредственно видел и слышал, пробовал и ощущал. И такой личный опыт позволял мне учиться всему новому гораздо быстрее и лучше.

Игры, в которые я играл, учили меня находить общий язык с другими детьми, помогали решать споры и конфликты, давали возможность узнать себя, учили соблюдать определённые правила, воспитывали такое качество личности, как инициатива, развивали дисциплину и способность действовать в команде. Но самое главное заключалось в том, что игры просто доставляли мне огромную радость.

Как видно, любовь к движению привела меня к танцам. Я танцевал постоянно на всех занятиях и праздничных утренниках. У меня даже была постоянная партнёрша по танцам - Алла Пеньковская. Наша танцевальная пара, по общему мнению, была самая лучшая в нашем детском саду. Танцевать меня учила моя мама, которая танцевала очень хорошо и красиво. Она научила меня таким танцам, как вальс, танго, фокстрот, краковьяк, венгерка, падэспань и другим.

А ещё я любил петь и с выражением читать стихотворные произведения. У меня был громкий голос, который я иногда повышал, чтобы привлечь к себе внимание других людей.

Мне нравилось играть на публику. И это лицедейство получалось у меня неплохо. Мне нравилось разыгрывать различные сценки. Как-то мама решила меня за что-то наказать и заперла меня в нашем сарае

во дворе, чтобы лишить меня возможности играть с другими детьми. Но уже через короткое время дети были около этого сарая и смотрели во все щели представление, которое я им разыгрывал. Такие же представления я устраивал и позднее.

Всех окружавших меня взрослых я, в полном смысле, «бомбил» своими бесконечными вопросами: «А почему...? А зачем ...? А где ...? А когда ...? А для чего ...? А что изменится, если ...? А что там ...? А что здесь ...?»

Взрослые сначала отвечали, объясняли, а потом говорили мне:

- Всё тебе надо знать. А не слишком ли ты любопытный?

- Я не любопытный, - слышали они в ответ, - я любознательный.

- Ты посмотри на него, какой он разговорчивый. За словом в карман не ползет,

- А в карманах слова не держат, - отвечал я. - Вот у меня, например, слова живут прямо на языке. Я даже не успеваю подумать, как они уже слетают с языка прямо Вам в уши.

- А знаешь ли ты, что существуют определённые правила, как, что и когда нужно говорить?

- И что, все люди должны говорить одинаково? – сомневался я. - Значит, и думать они должны одинаково? А почему я не могу думать и говорить по-другому? А что случится, если я буду не такой, как все?

- Надо всё принимать как само собой разумеющееся, - убеждали меня. - А ты сомневаешься, правильно или неправильно люди что-то разрешают, а что-то запрещают.

- А может они ошибаются? – не унимался я. - Как узнать, что на свете правильно, а что неправильно?

Эти вопросы «мучили» меня, так как оставляли у меня ощущение неудовлетворённости существующим положением вещей. Но мой ещё детский ум не мог дать на них ответы. А моя природная любознательность и приводила меня к тому, что я или плохо себя вёл или не слушался.

9. ДВОР МОЕГО ДЕТСТВА И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Двор моего детства - это не просто участок земли между домовыми постройками одного городского участка, как сказано в одном словаре русского языка, это - образ жизни.

Двор моего детства являлся продолжением моего дома. Он был сосредоточением всего, всех понятий, правил и законов, всех игр и забав, всех отношений между людьми.

Двор моего детства учил и научил меня жизни.

Двор моего детства был большим единым организмом со своими законами и механизмами, в котором все друг про друга всё знали, вплоть до сокровенных мелочей.

Двор моего детства, где я провёл лучшую часть своего детства, как и другие старые дворы города Житомира, был в то время застроен одноэтажными домами различной конфигурации, в каждом из которых жили, как правило, несколько семей. К сожалению, я уже не помню всех фамилий наших соседей.

В нашем доме (№ 44), который стоял перпендикулярно улице, проживали пять семей: сёстры Айзман, семья Гарденины (дядя Жора, тётя Ната и Жанна), семья Юфа, семья слепых (фамилию не помню) и наша семья.

В следующем доме (№ 46), имевшем форму буквы "Г", проживали шесть семей: семья Пастернак (тётя Вера, дядя Янкель, тётя Аня, дядя Муня, Ната и Игорь), семья Толкачёвы (мама, Надя, Валерка и Виталька), семья Школьник (тётя Роза - зубной врач и её папа), вечно пьяный Павлик (говорили, что он во время войны был полицаем) и его тётя, учительница с сыном и ещё одна семья.

За этим домом стоял параллельно нашему дому ещё один дом (№ 48), в котором проживали семь семей, из которых я помню семью тётки Тани Гошкес с сыновьями Ромой и Лёней, семью Веры Энгельс и её матери, которая работала дворничихой, семью библиотечарши Беллы Яковлевны с сыном Мишей, который учился играть на скрипке, и её сестрой.

Около данного дома в глубине двора, за небольшим садом стоял ещё один небольшой дом, в котором жили, кажется, три семьи, одной из которых была семья Мищенко: отец, мать и два сына, один из которых был глухонемой.

Собственно говоря, эти четыре дома и формировали наш общий двор для двадцати одной семьи.

Кроме того, во дворе находились два длинных ряда сараев, по одному для каждой семьи. А ещё были всякие клумбочки, огородики, сады, цветники, палисадники, заборчики, милые, уютные закутки...

Очень часто между домами натягивали верёвки, на которых сушили постельное бельё и другие выстиранные вещи. Бывали такие дни, когда весь двор был утыкан шестами, которые поддерживали верёвки с бельём. Приходилось искусно лавировать, чтобы, проходя по двору, не запачкать длинные белые простыни и пододеяльники.

Так как во всех квартирах все удобства были, что называется, «во дворе», то приблизительно в пятидесяти метрах от нашего дома находились большой общественный туалет и большой мусорный ящик, которыми пользовались обитатели нашего и соседнего дворов.

Жителями нашего двора были люди разных национальностей. Все мы как-то более-менее уживались между собой. Конечно, как и в каждом сообществе, между нашими соседями тоже возникали различные конфликты. Однако всё это происходило на уровне обычных житейских неурядиц. Конфликты быстро забывались, и снова восстанавливалось мирное сосуществование. Многие соседи на протяжении почти всей жизни дружили между собой.

Наша семья была в хороших отношениях со всеми соседями. Но была одна семья, с которой мы не только дружили, а которую считали своей второй семьёй. Это была семья Пастернак, которая жила в соседнем с

нами доме (№ 46). Когда дедушка Гриша и бабушка Катя поселились в нашем дворе в 1921 году, они познакомились и подружились с соседями Янкелем и Верой Пастернак. Это была дружба очень близких друг другу людей, которая продолжалась всю жизнь и была передана по наследству детям и внукам. Для меня семья Пастернак была моей второй семьёй.

Давно уже нет нашего старого двора. Но, вспоминая о нём, у меня и в душе, и в сердце всегда появляется тёплое чувство ностальгии.

10. РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА

Детство – прекрасное время, в котором мы могли быть кем угодно и где угодно. Мы без остатка отдавались своей фантазии, переносились в самые прекрасные места и проживали самые захватывающие приключения.

Воспоминания о своём детстве в нашем дворе ассоциируются у меня с простыми радостями той счастливой поры.

Мы, дети нашего двора, составляли некую общность, сплочённый детский коллектив, где все друг друга знали, как облупленных, где все друг друга любили, несмотря на ссоры, конфликты, драки и примирения.

Мы и жили по своим особым негласным законам. У нас были и свои десять заповедей: не ври; не зазнавайся; не хвастайся; не подавай вида, когда больно; не бери чужого; поделись тем, что имеешь; выручи в беде; умей держать язык за зубами; будь искренним; будь другом.

Мы всё своё свободное время проводили вместе: рассказывали друг другу различные истории, делились своими проблемами, помогали друг другу, кто чем мог, играли в разнообразные игры. Причём, все игры были общими, даже «дочки-матери», «скакалки» и «классики».

Игры, в которые мы играли, учили нас находить общий язык, помогали решать споры и конфликты, давали возможность каждому из нас узнать себя, учили соблюдать определённые правила, воспитывали такое качество личности, как инициатива, развивали дисциплину и способность действовать сообща всей командой. Но самое главное заключалось в том, что наши игры просто доставляли нам огромную радость.

Невозможно перечислить все игры, в которые мы играли. Вот только некоторые из них: казаки-разбойники, штандер, лапта, квач (догонялки), жмурки (прятки), 12 палочек, вышибалы, итальянка, земли (ножички), цепи (кандалы), слон, гуси-лебеди, ручеёк, козёл, отмерной, колечко, города, поездка на бал, испорченный телефон, расшибалка и пристенок (на деньги), лянга (пушок, жёстка) и ещё многие другие.

А когда во двор заходили стекольщики или точильщики, мы бросали все игры и, как замороженные, глазели на их работу.

А сколько радости нам доставлял старьёвщик, которому мы волокли всё, что могли найти. А взамен чаще всего получали жестяные свистки или набитые деревянными опилками мячики на длинной тонкой резинке.

Что мы только ни подкладывали на трамвайные рельсы: и монеты, и пистоны, и гвоздики, из которых получались сабли, и всякие железки.

Мы играли в привидения, вырезая в простыне дырочки для глаз. Мы придумывали маскарадные костюмы и наряжались в них.

Мы придумывали концертные номера и сочиняли пьесы, а потом устраивали во дворе концерты или спектакли для всех жителей. Кроме обычного театра, мы показывали также театр теней или играли в кукольный театр.

Мы бегали по крышам сараев, а затем спрыгивали с них, чтобы показать всем, что не боимся высоты. Мы прыгали с зонтиком и без него в кучи осенней листвы или снежные сугробы.

Мы бегали под дождём босиком по лужам, пускали щепки и спички по течению, рыли каналы и делали запруды, а также прыгали на спор в центр огромной лужи.

Мы запускали в небо воздушный шар или воздушного змея. Иногда мы привязывали к змею авоську, в которую сажали кошку. Если под рукой не было воздушного змея, то мы привязывали авоську с кошкой к самодельному парашюту и спускали всё это с крыши сарая или со второго этажа дома.

Мы проводили «химические» опыты: делали жжёный сахар в столовой ложке, делали извержение вулкана из лимонной кислоты и соды, выпаривали чистую соль из грязного раствора.

Мы ели заячью капусту, сосали смолу, слизывали берёзовый сок или кленовый сироп, жевали травинки. Мы оставляли веточку или травинку в муравейнике, а потом слизывали с неё кислый муравьиный сок.

Мы разводили во дворе костёр, сидели возле него, разговаривали, пекли картошку и жарили хлеб или кусочки сала на прутике. Очень вкусно было!

Мы строили замки из песка, пещеры из снега, халабуды из фанеры, досок, веток, старых столов, стульев и коробок.

Мы выжигали солнцем через лупу свои имена на скамейках, смотрели на солнце сквозь тёмную стекляшку, а на мир – через цветные стёклышки.

Зимой мы катались с высокой ледяной горки во дворе школы № 31 на санках, фанерках, досках, картонках, а то и просто на ногах или, как говорил Аркадий Райкин, «на всём».

Мы делали дырки в льдинке, подставив её под струю воды из крана. Мы играли в снежки, ловили языком снежинки, лизали, сосали и грызли сосульки.

Мы катались по улицам на самодельных самокатах с подшипниками или гоняли колесо от бочки специальной железной скобой.

Мы лазили по деревьям и сооружали на них что-то в виде шалаша или гнезда. Мы трясли ветки деревьев и, в зависимости от времени года, устраивали дождик, листопад или снегопад.

Через заборы мы пробирались в чужие сады за фруктами, ягодами и сиренью, среди которой искали

цветки с пятью лепестками, ели их и загадывали желания.

Мы стреляли из трубочки тополиными семенами, свистели через стручок акации, делали носики из крылаток клёна, ордена из репейника и серёжки из черешен.

Мы забирались в глухие заросли, ловили там белых бабочек-капустниц, стрекоз и исследовали муравейники.

Мы пускали мыльные пузыри, стучали в самодельный барабан, выпиливали лобзиком, лепили из пластилина, делали лук со стрелами и стреляли из него, из бутылок делали брызгалки и устраивали сражения.

Мы рисовали на запотевшем стекле, делали секретные записи молоком на бумаге, придумывали секретные языки и общались на них, чтобы взрослые нас не понимали.

У нас не было компьютеров и всяких разных электронных игр. Телевизоры были в считанных домах. Мы не знали, что такое Интернет.

Но зато мы были все вместе! И у нас было очень счастливое детство, которое мы никогда не забудем!

Я очень часто вспоминаю своих дворовых друзей и подруг, с которыми я был вместе чуть ли не с самого рождения: Ната Пастернак, Лена Меламед, Жанна Гарденина, Вера Энгельс, Виталька Толкачёв, Коля и Миша Мищенко, Мэра Гриншпун, Элла и Илья Телер.

Перечисляю дорогие мне имена ребят нашего двора и вижу их лица перед собой. Они навсегда остались в моём сердце!

Ребята нашего двора
Остались в памяти моей
И наша детская пора
Со всеми шалостями в ней.

Как хорошо нам было всем
Дружить командою одной!
Как не хотелось нам совсем
Идти по вечерам домой.

Я помню двор, такой родной,
Как будто было всё вчера.
Всегда останутся со мной
Ребята нашего двора!

11. ТРАМВАЙНЫЙ РАЗЪЕЗД

Но главной достопримечательностью нашей улицы были трамвай и трамвайный разъезд, который располагался на мостовой как раз возле нашего двора.

Что такое трамвайный разъезд? По нынешним временам не всем понятно, о чём идёт речь. Ну, что ж, придётся объяснить. Но сначала экскурс в историю.

Известно ли вам, что город Житомир был третьим городом в Российской империи, после Киева и Москвы, где начал работать новый вид общественного транспорта - трамвай?

В августе 1899 года в Житомире открылись четыре трамвайные линии:

- № 1 - Киевская линия: Центр - Вокзал;
- № 2 - Чудновская линия: Центр - река Тетерев;
- № 3 - Бердичевская линия: Центр - Бердичевская улица;
- № 4 - Вильская линия: Центр - Вильская улица.

В 1909-1914 годах была открыта новая Московская линия № 5: Сенный рынок - Житний рынок.

Вильская линия № 4, которая проходила по нашей улице, соединяла центр города - Соборную площадь с чулочной фабрикой. Правда, с 1941 года до 1948 года эта линия не работала, так как была частично разрушена.

Трамвайный путь состоял всего из одной линии, то есть была проложена только одна пара рельсов. На протяжении всей улицы было два «разъезда»: от основной линии отходила ещё одна небольшая линия, такое ответвление, на которое мог заехать один трамвай. Трамвай подъезжал к «разъезду», заезжал на это ответвление и ждал встречный трамвай. Когда тот заезжал на основную линию «разъезда», оба трамвая благополучно разъезжались в разные стороны.

Трамвайные вагоны того времени были деревянными с дверями в виде «гармошки». Сидения были изготовлены из лакированных деревянных реек. Вдоль всего салона висели кожаные петли с деревянными элементами, за которые пассажиры, ехавшие стоя, могли держаться руками.

Что было самое «ценное» в этих вагонах, так это то, что в них всё дребезжало. Поэтому тархтели они безжалостно сильно.

Звук, который издавал трамвай при поворотах, трудно передать словами. Это напоминало что-то среднее между стоном при зубной боли и воем одинокого волка. Тот, кто это слышал хотя бы раз, уже не забудет никогда.

Зато какая это была развлекуха! Что мы только ни подкладывали на рельсы, ожидая очередного трамвая: и монеты, и пистоны, и всякие железки. Всё это мы, естественно, использовали потом в своих детских играх.

Вот трамвайный разъезд возле нашего дома.
Он разлётся, как кот, на камнях мостовой.
Рельсы стонут окрест, и от лязга и звона
Встрепенётся любой, даже крепок собой.

Для мальчишек двора был он, словно отрада.
Все бежали к нему, позабыв обо всём.
Клали что-то на рельсы, что надо – не надо,
Чтоб потом этим самым играть за углом.

Мы трамвай обожали, любили безмерно.
На ступеньках его мы катались всегда.
Нас кондукторы гнали, и всё же, наверно,
Это лучшее времечко было тогда.

В наш стремительный век скоростей, что давали
Мчатся нам без оглядки, пока надоест,
Никогда не забуду ни двор, ни трамваи,
Ни тебя, мой любимый трамвайный разъезд!

Так что моё детство проходило под звуки
житомирского трамвая, на котором можно было
совершать экскурсию по нашей улице.

12. ДРУГИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ НАШЕЙ УЛИЦЫ

Родительский дом и двор моего детства были расположены на улице, которая за время своего существования несколько раз меняла своё имя.

Сначала её называли Вильской улицей, так как она вела к селу Вильск. С 1897 по 1912 годы она была разделена на две части. Та часть, которая была ближе к центру города, то есть к Соборной площади, называлась Соборной улицей, а другая часть получила название - Вильско-Шоссейная улица. В 1912 году в честь столетия победы в Отечественной войне 1812 года две улицы снова объединили в одну и дали ей название - улица 1812 года. А в 1919 году она временно стала улицей Мазепы. При советской власти нашу улицу вновь переименовали в улицу Карла Либкнехта. Вот на этой улице я и жил. После распада СССР и провозглашения независимой Украины у этой улицы новое имя - улица Победы.

Как раз напротив нашего двора на противоположной стороне улицы начинался Соноцкий переулок, переименованный позднее в Метеорологический.

Слева от переулка находились здание и большой двор украинской семилетней школы № 21, в которой ещё до войны учились моя мама и мой родной дядя Изя. За зданием школы в глубине школьного двора располагался фруктовый сад. Надеюсь, не нужно объяснять, что и школьный двор, и школьный сад находились в центре внимания всех детей нашего двора и ближайших окрестностей.

Прямо перед школьным двором стоял небольшой книжный магазинчик, в который я очень любил заходить. А напротив него, уже на нашей стороне улицы, перед соседним двором стояла будка сапожника.

Если, выйдя из нашего двора, сесть в трамвай и поехать направо, то можно было увидеть:

- ремесленное училище с его клубом, куда мы часто бегали смотреть бесплатное кино;

- авторемонтный завод и управление шоссейных дорог «УШОСДОР», в клубе которого по выходным дням показывали детские фильмы;

большое из красного кирпича здание школы № 7, в которой учились многие мои дворовые товарищи и подруги;

- Вильское православное кладбище - памятник истории парковой архитектуры;

- Яковлеву церковь;

- комплекс сооружений Почтовой станции - памятник архитектуры XIX века, включающий в себя дом почтовой станции с оградой, бывшую гостиницу, конюшни (стойла для лошадей), ямские службы (ямщицкие);

- пятиэтажную мельницу, где когда-то работал мой дедушка;

- поликлинику № 2, куда мы все ходили, и ещё много интересного.

Доехав до чулочной фабрики трамвай делал кольцо и отправлялся в обратный путь.

Если, выйдя с нашего двора, поехать на трамвае налево, то буквально на следующей остановке можно было увидеть слева школу № 6. Когда-то здесь была старая городская дворянская усадьба 19-го века с господским двухэтажным домом, одноэтажным домом для прислуги, конюшней и большим садом с фонтаном. После войны здесь открыли женскую русскую школу № 7, а 1 сентября 1947 года - мужскую русскую школу № 6. Хотя я и учился в другой школе, но здесь посещал летний дневной пионерский лагерь.

На следующей трамвайной остановке пред нами представало небольшое здание школы № 5, ещё чуть дальше высокое здание Школы красных командиров. Позже здесь размещались различные службы завода «Электроизмеритель». А дальше располагался небольшой парк, за которым величественно возносился Свято-Преображенский кафедральный собор. Он столь изящен и красив, что признан архитектурной жемчужиной, а его образ стал одним из символов города.

Миновав собор, трамвай въезжал на главную площадь города - площадь Ленина (ныне Соборная площадь), откуда и берёт своё начало наша улица.

13. ЯЗЫКИ, КОТОРЫЕ НАС ОКРУЖАЛИ

Жители нашего двора, нашего квартала да, пожалуй, и всей улицы разговаривали на разных языках: русском, украинском, польском и, конечно же, на еврейском, который назывался ещё и по-другому - идиш. Весьма часто в разговорах можно было услышать смесь всех

этих языков. Получался такой своеобразный «суржик» - русско-украинско-польско-еврейский язык.

И что самое интересное, так это то, что все друг друга понимали очень хорошо. Дело доходило до абсурда. Если кто-нибудь в разговоре хотел сказать собеседнику что-либо такое, чтобы другие не поняли, было трудно найти язык, на котором это высказать.

Так или иначе, я впитывал все языки. Русский и украинский язык я знал в совершенстве на уровне родного языка. Польский язык я понимал неплохо, но разговаривать на нём мне доводилось мало. Хотя впоследствии при поездках в Польшу знание польского языка мне очень пригодилось.

В нашем доме мы разговаривали друг с другом на русском языке. Но дедушка и бабушка очень часто говорили между собой на идиш. Мама тоже знала идиш, но уже не в такой степени, как её родители. Когда в доме хотели скрыть какую-либо информацию, не предназначенную для моих ушей, то взрослые сразу же переходили на идиш. Поэтому большое количество слов и выражений на еврейском языке я выучил в самом раннем возрасте дома.

Очень много для овладения языками давало также общение вне дома. Память у меня всегда была хорошая, и я много запоминал.

Как-то я пришёл домой и сообщил всем домашним, что я уже умею говорить по-еврейски. Дело было перед обедом. Когда все сели за обеденный стол, я произнёс выученную на улице фразу: «КИШ МИР ИН ТУХЭС», что в переводе означает: «Поцелуй меня в ....». Ну, в общем, в то самое место, на котором люди сидят.

Мои домашние застыли, как в финале гоголевского «Ревизора». Теперь я понимаю, какие мысли пронеслись у них в головах. Хвалить, вроде, не за что, но и ругать нельзя. Ведь ребёнок старается выучить родной язык.

После продолжительной паузы дедушка, приняв соломонино решение, сказал:

- Это очень похвально, что ты хочешь научиться говорить по-еврейски, но эту фразу, пожалуйста, больше никогда не произноси, потому что это неприлично. Я тебе потом объясню, что она означает.

В нашем доме жила старушка. Я называл её – «Бабушка Айзман». Она со всеми разговаривала только на идиш. Возможно, она плохо знала другие языки. Со мной бабушка Айзман любила вести долгие беседы на различные темы. Как ни странно, я её отлично понимал и что-то даже отвечал ей.

Покинув родной дом и двор, я на многие годы забыл идиш, так как ни в Казахстане, ни, тем более, в армии этого языка я ни от кого не слышал. Только, вернувшись в Житомир после армии, я начал вспоминать идиш.

А когда в школе я начал изучать немецкий язык в качестве иностранного, то многие немецкие слова мне показались вдруг знакомыми, да и фразы как-то сравнительно легко складывались. Как видно, цепкая детская память сыграла здесь свою роль, так как идиш и немецкий язык относятся к одной языковой группе.

Так к моим четырём языкам житомирского детства добавился ещё один язык – немецкий, который я знал неплохо. И это знание выручало меня во время

поездок в ГДР (Германскую демократическую республику).

14. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ВЕЛИКОЙ АРТИСТКОЙ И ПЕВИЦЕЙ

Летом 1951 года мы с мамой поехали в гости к бабушкиной родной сестре Тане, которая жила в городе Каховка, расположенном на левом берегу Днепра в 90 километрах от Херсона.

Муж тёти Тани, Зяма Разумовский, был в то время командиром пожарной части. Дом, в котором жили тётя Таня и дядя Зяма вплотную примыкал к территории этой части. Сразу за домом начинался большой пустырь, напоминающий своими размерами небольшой стадион. Впрочем, местные мальчишки и использовали его в качестве футбольного поля.

Тётя Таня и дядя Зяма принимали нас очень радушно. Мы с мамой прекрасно отдыхали, проводили своё время в прогулках и купаниях в Днепре.

Как-то в один из вечеров дядя Зяма, вернувшись с работы, объявил нам всем:

- Мне сегодня позвонили от начальства и сообщили, что нашу пожарную часть за хорошие показатели решили наградить концертом известных московских артистов. Так что завтра в 17.00 мне нужно их принять. Вот только ума не приложу, где устроить этот концерт. Красный уголок у нас маленький. А захотят прийти, конечно, все. Да и ещё и семьи свои приведут. Что делать?

Тут в разговор вступила тётя Таня:

- А мне кажется, что можно организовать наш «концертный зал» прямо здесь, на пустыре, где наши пожарные машины разворачиваются.

- А сцену где я тебе возьму? Её за один день не построишь.

- А ты позвони на автобазу своему другу, пусть даст свою полуприцепку. Борта откинем, и чем тебе не сцена?

- Точно. Какая ты у меня умница! Ну, что бы я без тебя делал? Попрошу у него и ступеньки, чтобы взбираться на кузов. Он когда-то их соорудил для какого-то своего начальства.

- Вот видишь, всё и устроится.

На следующий день с утра дядя Зяма развернул бурную деятельность, и уже после обеда полуприцепка с откинутыми бортами и вымытым кузовом, а также с приставленными к нему ступеньками красовалась на пустыре недалеко от здания пожарной части.

Весть о том, что в 5 часов вечера рядом с пожарной частью состоится концерт известных московских артистов, мигом облетела город, и к назначенному времени на пустырь начал стекаться народ. Я и ещё несколько местных мальчишек загодя заняли самые лучшие места, то есть уселись на землю прямо перед импровизированной сценой.

Вскоре к пустырю подъехал маленький автобус, из которого вышли артисты. В руках у некоторых из них были разные музыкальные инструменты. Все зрители, а их набралось несчётное количество, ну, очень

много, начали аплодировать артистам. Те в ответ здоровались, кланялись, улыбались.

Первым на «сцену» поднялся мужчина в тёмном костюме и белой рубашке с бабочкой (я потом узнал, что его называли «конферансье»). Он рассказывал нам всякие смешные истории. Все смеялись и хлопали ему. Потом небольшой музыкальный ансамбль играл очень красивые, популярные в то время мелодии. Это называлось «попурри».

Затем конферансье объявил нам, что сейчас мы услышим свои любимые песни. На сцену взошла среднего роста женщина в очень красивом длинном платье тёмно-синего цвета. Музыкальный ансамбль заиграл вступление, и артистка начала петь. И тут я вспомнил, что этот голос и эти песни я уже слышал по радио у нас дома. А теперь я вижу ту певицу, голос и исполнение которой мне так нравились.

Песни, которые она пела, всем были знакомы, потому что многие пели вместе с ней. Я хотя и не знал слов этих песен, но мелодии очень хорошо помнил, поэтому напевал вместе со всеми. Певица очень красиво и душевно пела песни об Андрюше, о Лолите, о друзьях-однопольчанах, о войне, о синем платочке, о любви. Она пела о счастье, радости и удаче, на пути к которым нет никаких преград. Некоторые женщины почему-то вытирали слёзы.

А потом были дружные аплодисменты, и я тоже хлопал в ладоши вместе со взрослыми, потому что мне очень понравились и эта певица, и песни, которые она пела.

Её имя после этого концерта я запомнил навсегда - Клавдия Шульженко, заслуженная артистка РСФСР.

Такой незабываемой была моя первая встреча с великой актрисой и певицей.

15. КАНТОР ИСААК МЕЛАМЕД

У моей подруги детства Лены Меламед, которая жила в соседнем дворе, был очень знаменитый дедушка Исаак. А знаменит он был тем, что обладал потрясающей красоты голосом. Служил Исаак кантором в местной житомирской синагоге, где пользовался очень большим авторитетом. По рассказам людей, которые посещали синагогу, голос кантора Исаака просто завораживал.

Говорили, что в Москве тоже есть кантор с очень красивым голосом, которого звали Миша Александрович. Но где Москва, а где Житомир! Правда, однажды он приехал с концертами в Житомир, и меня, ещё маленького мальчика, повели на его выступление. И в самом деле, голос Миши Александровича звучал прекрасно.

Но московский кантор приехал и уехал, а наш, Исаак Меламед, всегда жил рядом с нами и радовал огромное число людей своим пением. Обычно во время каких-либо еврейских праздников Исаак выходил из дома во двор, где его ждали сотни слушателей, которые заполняли всё близлежащее пространство.

Когда Исаак начинал петь, казалось, что замолкали птицы и деревья переставали шелестеть своей листвой. Люди стояли, боясь шелохнуться, и только слёзы восторга катились по щекам. Исааку не нужны были ни микрофоны, ни акустика концертных залов. Его чарующее завораживающее пение проникало в сердце каждого почитателя его таланта. В его

мелодиях слышались тоска и боль многострадального еврейского народа, а также радость и надежда, несмотря ни на что.

Многие слушатели не понимали слов песен и молитв еврейского кантора Исаака. Но музыка его голоса и его мелодий так западали в сердце и душу каждого слушателя, что, казалось, всем всё было понятно и без слов.

Мой дедушка Гриша был очень дружен с Исааком Меламедом, жена которого – тётя Рива приходилась сестрой тётё Вере Пастернак. А семья тёти Веры была нашей второй семьёй. Так и дружили три семьи: Гриша и Катя Грибер, Янкель и Вера Пастернак, Исаак и Рива Меламед.

Дедушка Гриша всегда говорил мне:

- Слушай и запоминай голос дяди Исаака. Такого голоса больше нет ни у кого. Такие певцы – они от Бога и появляются они на этом свете раз в сто лет, а может быть и реже. Тебе очень повезло в этой жизни, раз ты слышишь, как поёт дядя Исаак.

Когда кантор Исаак Меламед умер, скорбный плач стоял в Житомире. Плакали не только евреи, плакали люди разных национальностей, кому довелось хоть раз услышать пение еврейского кантора.

Похороны Исаака Меламеда вылились в многочасовое и многокилометровое грандиозное шествие. Движение транспорта на некоторых улицах было остановлено. Гроб Исаака несли на руках, несмотря на то, что рядом ехала похоронная машина. На всём протяжении пути люди, которые находились на улицах города,

подходили к гробу и касались его, произнося прощальные слова в адрес покойного.

Многолюдная траурная процессия передвигалась по всему городу какими-то зигзагами, переходя с улицы на улицу. Это было вызвано тем, что многие инвалиды и больные люди, которые не смогли сами прийти на похороны своего любимого кантора, попросили пронести его гроб около их домов, чтобы они сумели попрощаться с таким замечательным человеком. Я не могу забыть этих людей, которых выносили из домов на руках или прямо на кроватях и подносили к гробу. Бедные несчастные люди, плача и рыдая, молились над гробом, прикасаясь к нему, как к святыне.

Житомирское еврейское кладбище на Смолянке стало последним пристанищем кантора Исаака Меламеда. Вселенский стон стоял над городом. Такой искренней всенародной любви к простому человеку, который жил рядом с нами в соседнем дворе, я больше никогда и нигде не видел воочию.

Это было самым незабываемым и ярчайшим впечатлением моего детства!

16. МУЗЫКАЛЬНАЯ ПОПЫТКА

От кого мне передались музыкальные гены - неизвестно. В нашей семье музыкантов не было, да и среди ближайших родственников таковых, вроде бы, не наблюдалось. Хотя у бабушки был родной брат Шура, который играл на тубе в оркестре Харьковского оперного театра. Но неужели музыкальные гены проделали такой большой окольный путь, чтобы добраться до меня?

Как бы то ни было, музыкальный талант проявился у меня в очень раннем возрасте. Песни я мог пропеть после первого же прослушивания, причём пел правильно, не фальшивя.

У нас в доме, как и у всех советских людей в то время, висела на стене чёрная тарелка-радио, под которой стояла небольшая кушетка. Когда по радио звучала какая-то музыка, я взбирался на кушетку, брал в руки маленькую палочку и, как заправский дирижёр, дирижировал воображаемым оркестром, напевая при этом звучащую музыку.

Летом 1953 года у нас в доме собрался семейный совет. Первым взял слово дедушка Гриша как глава семьи:

- Ну, что будем делать? У Люсика, несомненно, есть музыкальные способности. Мы совершим большой грех, если не постараемся развить его музыкальный талант. Я думаю, что нужно отдавать ребёнка в музыкальную школу. А вы как считаете?

Дедушку поддержала мама:

- Я согласна с тобой, папа. Но, во-первых, нужно ему ещё сдать вступительные экзамены.

- Я думаю, - вступила в разговор бабушка Катя, - что здесь всё будет хорошо.

- Я тоже надеюсь, что это будет так, - ответила мама. - А, во-вторых, все вы знаете, где находится музыкальная школа. Чтобы добраться до неё, нужно ехать от нашего дома двумя трамваями с пересадкой на площади Ленина. Его одного я в такой дальний

путь не отпущу, а сама я не могу его сопровождать, так как я ещё в это время на работе.

- Если только дело за этим станет, - сказала бабушка, - я буду ездить с ним на занятия в музыкальную школу.

- Хорошо, - подвёл итог дискуссии дедушка, - теперь нужно решить, на каком инструменте он будет учиться играть.

- Покупку пианино мы сейчас не потянем, - сказала мама.

- Для своего любимого внука, - ответил дедушка, - скрипку я куплю. Пусть будет скрипачом, как и многие евреи. Кто «за»?

Доводы дедушки были более чем убедительные, и все проголосовали за то, что быть мне в будущем скрипачом не хуже Ойстраха.

На вступительные экзамены в музыкальную школу я поехал вместе с мамой. Здесь было много детей со своими родителями. Нам сказали, чтобы мы ждали около дверей большой комнаты, где будут проходить экзамены. Ждать пришлось не очень долго, и вот секретарь школы объявила:

- Альфред Грибер!

- Это тебя, иди, я подожду тебя здесь. Удачи! - напутствовала меня мама.

Я вошёл в большую комнату, где за столом сидели члены приёмной комиссии. На стене висела большая картина, на которой были изображены сидящие за

столом Сталин и Горький, которые слушали мальчика, играющего на скрипке.

- Как тебя зовут, мальчик? - спросила одна женщина.

- Люсик Грибер, - ответил я.

- А у меня написано: Альфред Грибер, - сказала секретарь.

- А все меня зовут Люсиком, - пояснил я.

- А петь ты умеешь, Люсик? Спой нам что-нибудь! - попросил один мужчина.

Долго просить меня ему не пришлось. Я спел песню, которую мы учили в детском садике. А потом добавил:

- Я знаю ещё и другие песни. Вот, например,...

И не ожидая приглашения, сразу запел одну из песен, которую слышал по радио. Мужчина меня остановил и сказал:

- Да, я слышу, ты славно поёшь, и слух у тебя отличный, и память у тебя хорошая. А вот сможешь ли ты повторить то, что я сейчас простучу?

И он начал стучать карандашом по столу какую-то последовательность звуков, которую я воспринял, как некую мелодию. Повторить её было легко, что я сразу же и сделал. Тогда мужчина простучал другую «мелодию», потом - третью. Я повторял всё следом за ним, а потом сказал:

- Дяденька, мне очень нравится эта игра. Я, когда слушаю музыку по радио, всегда играю так.

- Молодец, - ответил мне мужчина, - ты будешь хорошим музыкантом. А на каком инструменте ты хочешь научиться играть?

- Я хочу играть на скрипке, как этот мальчик.

И показал рукой на картину, висевшую на стене. Все члены приёмной комиссии дружно взглянули на неё, как бы повинувшись движению моей руки.

- Что ж, - сказал мужчина, - так тому и быть.

А когда все экзамены закончились, нам объявили, кого приняли в музыкальную школу. В числе счастливчиков был и я.

Казалось бы, что всё в порядке, осталось только идти покупать скрипку.

Но тут случилось непредвиденное событие: неожиданно серьёзно заболела бабушка. Теперь некому было ездить со мной на уроки в музыкальную школу. С большим сожалением нам всем пришлось отказаться и от скрипки, и от моего обучения музыке.

Только спустя несколько лет, находясь в Казахстане, я всё-таки осуществил свою мечту и поступил в музыкальную школу, но уже по классу баяна. Однако это уже совсем другая история.

17. КАК ВСЕ ДЕТИ

В феврале 1953 года мне исполнилось семь лет. Меня ожидал переход на новую ступень своего взросления – учёба в школе.

В августе мы с мамой пришли в семилетнюю школу № 31, которая находилась рядом с нашим двором на улице Леси Украинки. Когда-то здесь располагалась школа № 36, в которой ещё до войны учился дядя Изя до тех пор, пока ей не построили новое здание.

Мама принесла документы, необходимые для моего оформления в школу, и передала их секретарю школы. Та начала записывать все мои данные в журнал. В это время совершенно случайно в школе находились директор Викентий Йосифович и заведующий учебной частью Йосиф Абрамович.

Вдруг директор школы обратился ко мне со следующим вопросом:

- Скажи мне, пожалуйста, а читать ты умеешь?

- Конечно, умею, - ответил я.

Викентий Йосифович достал из стола книгу, протянул её мне и сказал:

- А ну-ка, прочти название этой книги!

Скользнув взглядом по книге, я тут же произнёс:

- Русский язык.

Вскинув брови, директор перевернул несколько страниц:

- А здесь прочитать сможешь?

Я быстро прочёл ему все правила и упражнения, которые были на этой странице. Викентий Йосифович,

пристально посмотрев на меня, медленно произнёс, чеканя каждое слово:

- А писать ты тоже умеешь?

- Ну, да, меня мама учила.

- Вот, возьми карандаш и напиши мне, пожалуйста, этот текст.

С этими словами Викентий Йосифович дал мне в руку карандаш и показал пальцем на текст в учебнике «Русский язык».

Я сел на стул, взял лист бумаги и быстро начал переписывать указанный текст.

Когда всё было готово, директор школы взял листок, посмотрел на мою писанину, а потом пожал плечами и произнёс:

- Никогда бы не поверил, если бы сам это не видел. Невероятно! Такого не бывает!

Тут к нашему диалогу подключился Йосиф Абрамович:

- А как у тебя со счётом? Можешь прибавить, например, 4 и 3?

- 7. А 8 плюс 9 будет 17. А я ещё и отнимать могу. Мы с мамой и дедушкой учили также таблицу умножения. Но делить я пока могу только в столбик.

После этих моих слов завуч школы вошёл в раж и начал меня забрасывать разными примерами, правда, не очень сложными.

А в это время Викентий Йосифович обратился к моей маме:

- Вы знаете, что Ваш сын вундеркинд? Ему нужно идти не в первый класс, а, как минимум, в третий. Что он будет делать во втором классе, а уж, тем более, в первом?

Мама покачала головой и сказала:

- Я категорически против этого предложения. Пусть мой сын будет таким, как все дети.

Йосиф Абрамович, оставив меня в покое, тоже присоединился к директору школы в попытке убедить маму согласиться с их предложением. Однако никакие доводы со стороны руководителей школы её не переубедили:

- Мой сын в два с половиной года перенёс страшную болезнь. Мы его еле-еле спасли от смерти. И я боюсь, что в третьем классе на мозг моего семилетнего мальчика будет оказана чрезмерная нагрузка. Поэтому я не хочу рисковать ни его здоровьем, ни его жизнью. Пусть учится, как все дети его возраста.

Как видно, доводы моей мамы убедили и директора, и завуча школы, и меня записали в первый класс. Трудно сказать, как сложилась бы моя жизнь, если бы мама тогда изменила своё мнение. Но случилось то, что случилось.

И 1-го сентября 1953 года я, как и все дети моего возраста, пришёл в школу учиться в 1-м классе.

18. ПЕРВЫЕ ШКОЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

1 сентября 1953 года был для меня радостным днём, так как я, как и все мои ровесники, пошёл в первый класс и приобрёл новый статус - ученик школы. Я с нетерпением ждал первого школьного дня, потому что мне хотелось поскорее узнать что-то новое, а также завести новых друзей.

На праздничной церемонии меня и всех моих будущих одноклассников познакомили с нашей учительницей - Анной Александровной. Потом нас отвели в класс, и меня посадили на первую парту рядом с красивой девочкой по имени Лариса Дружинина.

Я очень быстро познакомился со всеми ребятами, так как по натуре был очень общительным, разговорчивым и активным ребёнком. Школа была для меня прекрасной порой, так как объединяла в себе то, что я любил: множество друзей, возможность узнавать новое и чёткую систему вознаграждения за достижения. У меня было много друзей, но особенно я подружился с Ариком Белошицким и Шуриком Бух. Наша дружба продолжалась несколько лет.

У меня постоянно рождалось множество идей, я хотел участвовать во всём, присоединяясь к любой интересной деятельности. Я был уверен в себе, любил работать ради достижения цели и любил демонстрировать свою способность выполнять то, что я запланировал.

Учёба для меня была какой-то новой игрой. Все задания я, естественно, выполнял мгновенно, а потом вертелся по сторонам и подсказывал остальным. Кроме того, неиспользованная энергия била из меня фонтаном. У меня не было особых проблем с учёбой. Мне нравилось получать знания. Я просто дня не мог

прожить, не узнав чего-то нового. Поэтому моя самая большая проблема была в том, что в школе я мало что узнавал для себя нового. Мне часто бывало скучно на уроках, и я не знал, чем себя занять.

Приходилось черпать новую для себя информацию в книгах и журналах, которые я иногда умудрялся читать прямо на уроках, держа их на коленях под партой. А это считалось нарушением дисциплины и приводило к конфликту с учительницей. Теперь я, конечно, понимаю, как Анне Александровне было нелегко мириться с таким положением вещей. Но мои тетради по различным предметам она всегда выставляла на всех показательных выставках. В свою очередь, стремясь понравиться учительнице, я старался управлять своими импульсами и сдерживать неуёмную энергию.

Я был эмоционально открытым и впечатлительным ребёнком. Поэтому меня задевали достаточно невинные, казалось бы, замечания или небольшие обиды. Меня расстраивал сердитый тон взрослого или агрессивное поведение ровесников. В списке моих внутренних ценностей на первом месте стоят добро и забота. Мне трудно было себе представить, что можно неумышленно нанести вред или причинить боль. Я обычно быстро прощал обиды, но мне было необходимо, чтобы обидчик принёс мне извинения и пообещал быть хорошим и больше так не делать.

Решение моей мамы определить меня в первый класс, а не в третий, как ей предлагали директор и завуч школы, несколько усложнило мою школьную жизнь, по крайней мере, в начальных классах. Ну, подумайте и рассудите сами! Как должен был чувствовать себя на уроках активный мальчик, которому уже всё было известно о том, о чём другие узнавали в первый раз?

И директор, и завуч ещё неоднократно делали попытки убедить мою маму дать согласие на перевод меня в более старшие классы. Но она была непреклонна. Всё оставалось по-прежнему, и я продолжал учиться в школе, соответственно своему возрасту.

19. КОНФЛИКТ С УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ

Я проучился в классе у Анны Александровны три неполных года начальной школы, потому что произошёл серьёзный конфликт. А дело было так.

Весной 1956 года, когда я был в третьем классе, мне сделали операцию по удалению гланд (миндалин). В школу я, естественно, не пришёл. Анна Александровна, придя на урок и не увидев меня перед собой (а я ведь сидел на первой парте), спросила учеников:

- Кто-нибудь знает, почему нет в классе Алика Грибера?

- А ему сегодня гланды вырезают, - ответили одновременно мои друзья Арик Белошицкий и Шура Бух.

И тут последовала фраза учительницы, которая и послужила поводом для конфликта:

- Пусть его там совсем зарежут.

Когда после операции я вернулся в школу, мне рассказали об этом высказывании учительницы. Я, возвратившись домой, тут же всё рассказал своим

домашним. На следующий день мама пришла в школу, зашла в кабинет директора Викентия Йосифовича и рассказала ему о том, что случилось.

Он тут же вызвал к себе Анну Александровну. Как только та вошла в кабинет, Викентий Йосифович, не скрывая своего недовольства, сказал ей:

- Я хочу узнать у Вас, Анна Александровна, правда ли то, что мне сейчас рассказала мама Алика Грибера?

- А что случилось, Викентий Йосифович?

- Она мне сейчас рассказала, что, находясь на уроке и узнав, что Вашему ученику Алику Гриберу должны делать операцию по удалению миндалин, Вы, советский учитель, произнесли в присутствии всех учеников следующую возмутительную и ужасающую по своей сути фразу «Пусть его там совсем зарежут». Как Вы могли это сказать, Анна Александровна?

Повисла тягостная пауза. Лицо Анны Александровны постепенно начало приобретать пунцовый оттенок. Как видно, её застал врасплох этот вопрос директора. Затем она, не зная, куда спрятать свои глаза, проговорила:

- Понимаете, Викентий Йосифович, я это сказала «в сердцах», не подумав. Я же совсем не желала, чтобы его зарезали. Просто ляпнула первое, что пришло в голову.

- Но Вы же учитель, Вы же должны думать, прежде чем сказать что-нибудь, тем более, при учениках. И как теперь им объяснить, что Вы имели в виду и что не имели? И как теперь Вы будете смотреть в глаза этому ребёнку и его матери?

- Простите меня, пожалуйста, Викентий Йосифович!

- Да Вы не у меня, а у Эсфирь Григорьевны и её сына просите прощения.

Анна Александровна повернула лицо к моей маме:

- Эсфирь Григорьевна, простите меня, пожалуйста! Я сама не знаю, как у меня это вырвалось изо рта.

- Я не уверена, - произнесла моя мама, - что я и мой сын сможем простить Вас за Ваши слова. И я не уверена в том, что Вы можете и дальше работать учителем. Пусть это решают гороно и Ваш директор. Но мой сын в Вашем классе больше учиться не будет.

- Мы сегодня же соберём педсовет, - сказал Викентий Йосифович, обращаясь к моей маме, - на котором обсудим поведение и высказывание Анны Александровны.

Затем повернувшись к учительнице, он отчеканил:

- А Вы, Анна Александровна, пока можете вернуться в класс. Ваша судьба будет решаться сегодня после уроков на педсовете.

Директор и завуч школы просили маму не подавать жалобу в отдел народного образования, чтобы на школу не упало чёрное пятно. Только из уважения к руководству школы мама не предприняла дальнейших шагов. Учительнице объявили строгий выговор, а меня перевели в параллельный класс.

Как говорится, история была не из приятных.

Поступок этой учительницы, конечно, заслуживает осуждения, на мой взгляд. Педагог так себя вести не должен, даже если ученик ему, мягко говоря, не нравится.

20. ОТ ТАНЦЕВ К БАЛЕТУ

С самого раннего детства моей любимой деятельностью являлось творчество различных видов. Я увлекался одновременно самыми разнообразными видами творческой деятельности.

Мне очень нравились любые виды драматического и изобразительного искусства. Я любил устраивать представления для всей семьи.

- Какой у Вас артистичный ребёнок! - говорили маме и знакомые, и вовсе незнакомые люди.

Но больше всего я обожал музыку и танцы. Я ими наслаждался. Слушать музыку и танцевать я готов был, казалось, с утра до вечера.

Уже в детском саду я танцевал постоянно на всех занятиях и праздничных утренниках. У меня даже была постоянная партнёрша по танцам - Алла Пеньковская. Наша танцевальная пара, по общему мнению, была самая лучшая в нашем детском саду.

Моя мама очень красиво танцевала. Очевидно, её танцевальные гены перекочевали ко мне.

Когда я немного подрос, мама научила меня танцевать такие танцы, как вальс, танго, фокстрот, краковьяк, венгерка, падэспань, полька и другие популярные в начале 50-х годов танцы.

Мама брала меня даже на специальные танцевальные вечера, где мы с ней демонстрировали своё танцевальное искусство. Участвуя в различных конкурсах, мы часто удостоивались призов за лучшую оригинальную танцевальную пару.

А в 1955 году я записался в балетную студию городского Дворца пионеров, который находился на улице Михайловской. Здесь уже я стал серьёзно заниматься школой классического танца.

Мама, видя, как я всерьёз занялся классическим балетом, пришла как-то на занятия нашей балетной студии. После репетиции она подошла к балетмейстеру:

- Я мама Алика Грибера. Мне бы хотелось узнать у Вас о его успехах.

- Вы знаете, Ваш сын подаёт большие надежды. Я им очень доволен, так как он овладевает всеми премудростями балета, я бы сказал, с любовью и уважением. А это не часто можно встретить среди начинающих танцоров.

- Ну, допустим, через какое-то время, продолжая учёбу и дальше, он станет танцором. Какая перспектива может ожидать его в дальнейшей жизни?

- А Вы посмотрите на меня. Я проработал профессиональным артистом балета 20 лет. А теперь, выйдя на пенсию, передаю свой опыт детям и молодёжи. И Ваш сын тоже сможет так построить свою жизнь, если, конечно, балет станет делом его жизни.

Маме понравился ответ балетмейстера. И с этих пор я чувствовал её поддержку в этом моём начинании.

Однако заниматься балетом мне, к сожалению, было суждено всего полтора года. И вовсе не потому, что мне это надоело. Просто в моей жизни, благодаря маме, произошли кардинальные перемены.

21. КАРДИНАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ МАМЫ

Я уже рассказывал о том, как началась мамина бухгалтерская карьера в житомирском Гортопе. И вот в марте 1952 года мама была принята на должность бухгалтера житомирского уксусного завода.

Почувствовав призвание к профессии бухгалтера, она в декабре 1952 года окончила полный курс обучения на отделении подготовки бухгалтеров промышленности житомирского филиала киевского Учебного комбината Управления подготовки кадров счётных работников ЦСУ СССР и получила квалификацию «Бухгалтер промышленности». По тем временам это учебное заведение можно было бы приравнять к институту, потому что больше нигде профессии бухгалтера не обучали.

В феврале 1954 года мама начала работать бухгалтером на автобазе «Заготзерно», которая находилась рядом со школой №7 по улице Карла Либкнехта, недалеко от нашего дома.

А в этом году Коммунистическая партия и комсомол начали агитировать молодёжь ехать в Казахстан на освоение целинных и залежных земель. Многие водители с маминой автобазы уехали на целину. Они писали оттуда письма, в которых рассказывали о

своей новой жизни, о работе, о людях, с которыми их свела судьба. Письма были очень восторженные, оптимистические.

И вот моя мама решила, что пора начинать самостоятельную жизнь без опеки родителей и тоже уехать работать на целину.

В самом начале 1956-1957 учебного года наша учительница, войдя в класс, объявила:

- В нашей школе организовываются группы продлённого дня.

- А что это такое? А зачем они? А кто будет в них? - посыпались вопросы со всех сторон.

- Тише, ребята, я сейчас вам всё объясню. Многие ученики, придя после школы домой, находятся там одни и предоставлены, по сути дела, сами себе. Родители ещё на работе, и детям приходится всё делать самостоятельно: и кушать, и делать уроки. А ведь хочется и погулять, и встретиться с друзьями. Так вот теперь вы всё это сможете делать в школе после уроков. Вас здесь и покормят, и помогут выполнить то, что вам задали на дом. В группах продлённого дня у вас будет возможность и поиграть вместе с товарищами в школьном дворе, и сходить на различные экскурсии. Так что скучать вам здесь не придётся. А вечером вы вернётесь домой и сможете провести время в кругу семьи. Ну как, нравится вам это?

- Нравится, нравится, - закричали все, - здорово, вот это да!

- Вы расскажите своим родителям обо всём об этом. А потом сообщите мне, кто из вас будет посещать эти группы продлённого дня. Хорошо?

Вернувшись домой и дождавшись, когда мама и дедушка пришли с работы, я радостно сообщил своим домашним эту интересную новость. А потом заявил:

- Я тоже хочу ходить в такую группу.

Мама улыбнулась мне и сказала:

- Скоро ты будешь ходить в совершенно другую группу.

- В какую, мама?

- Эта группа будет находиться очень далеко от нашего дома.

- Как же я смогу тогда в неё ходить?

- Очень просто. Мы с тобой через пару месяцев уедем из Житомира далеко-далеко. Ты же слышал по радио, и, наверно, вам рассказывали в школе про целину?

- Да, это там, где люди пашут землю, которую раньше никогда не пахали, и сеют на ней хлеб.

- Правильно, молодец! Так вот, мы с тобой и поедem на целину в Казахстан. Будем там жить, работать и учиться. Нравится тебе такая идея?

- Да, мамочка, очень нравится. Мы будем целинниками, и все ребята будут мне завидовать. А дедушка с бабушкой тоже поедут с нами?

- Нет, они останутся здесь, дома, в Житомире. А мы будем приезжать к ним во время твоих летних каникул.

Так я впервые узнал о том, что мы с мамой уезжаем на целину. В конце ноября 1956 года мама уволилась с работы, в начале декабря она забрала меня из школы, и мы с ней в составе большой группы добровольцев уехали из Житомира в Казахстан на покорение целинных и залежных земель.

Так и закончилось моё детство в городе Житомире.